

## ПУТИЛОВСКАЯ ЛЮБИМИЦА

Признаюсь Вам, что в детстве я очень боялась собак, а теперь подружилась бы с каждой дворняжкой. Спасибо моей четвероногой подруге Шаре. Происхождения она самого простого, обычная дворняга, но какая умная! В Путилове кто её не знал? – любимица всех жителей от Колышкиной дороги до самой Канавной Шальдихи. Каждую весну она прибегала ко мне, когда я приезжала из города открывать дачный сезон. Мы не виделись с ней всю зиму, и Шара, почуяв меня издалека, неслась мне навстречу быстрее ветра. От радости мы обе останавливались возле калитки и осыпали друг друга нежностями. «Шара, милушка ты моя!» Она ставила передние лапы мне в ладони, с собачьей преданностью заглядывала в глаза, и норовила лизнуть в лицо. Если бы она умела говорить, то каждый день я бы слушала её ласковые речи.

Как сейчас вижу Шару – молодую игривую собаку серо-коричневого окраса. Шерсть на холке жёсткая, к зиме с густым подшёрстком, а на брюхе шерсть мягче, с рыжинкой. В те годы Шара была крепкой, выносливой, жизнерадостной и ласковой собакой. Симпатичная морда с влажным холодным носом и добрыми всепонимающими глазами, о которых можно было слагать стихи. В них всё – преданность, благодарность, радость, просьба, усталость, боль. Такие необыкновенно выразительные глаза я видела только у собак и у лошадей. Каких только кровей не намешано в Шаре: наверняка, были в её родословной и лайки, и овчарки, и, конечно же, главенствовало независимое и свободолюбивое «дворянство».

Бабушка Катя Романова, жившая наискосок через дорогу, с улыбкой вспоминала, какой упитанной была Шара в щенячьем возрасте, совсем как шарик, оттого и называли её деревенские Шариком, но этот забавный комочек оказался женского рода. С тех пор Шарик стал Шарой. Но мне не довелось видеть её щенком.

Почти каждую неделю я приезжала на дачу, и Шара, забывая на время всех деревенских благодетелей, жила у меня, скрашивая мои дачные будни. Я не знаю, где она жила, пока я бывала в городе, да мало ли добрых людей в Путилове. Вот и бабушка Катя Романова всегда привчала Шару в своём доме, несмотря на то, что у неё была своя собака. Разведка докладывала, что Шара нередко ночевала в нашем дровянике, даже когда меня не было в деревне: ей нравилось скоротать летнюю ночь на пахнущей лесом поленице. Конечно же, она скучала и ждала меня: думала, что вылезет утром из сарая, подбежит к крыльцу, и я открою ей дверь.

Сейчас хочу мысленно вернуться к началу 90-х годов, в жаркий июльский день, когда я впервые увидела Шару. Привязав к поясу пластиковый бидончик, я пошла собирать крыжовник. Теперь остаётся только вспоминать вкус и аромат тех ягод, похожих на тёмный южный виноград, необычного для нашей местности сорта Негус; навряд ли когда-нибудь ещё удастся мне полакомиться таким крыжовником. И вот, открыв дверь, я увидела на пороге незнакомую собаку, но от страха быстро захлопнула дверь. Собака показалась мне громадной. Она ничем не выдавала своего присутствия, но я была уверена, что она за дверью. Напрасно я выглядывала из окон веранды, собаки не было видно. Вооружившись большой крышкой, я отважилась открыть дверь. Собака лежала в тенёчке под кустом крыжовника – такая смирная и безобидная, что я перестала её бояться. Я принялась собирать ягоды, переходя от куста к кусту, собака следовала за мной. Тогда я смогла её рассмотреть: на её шее болталась верёвка, на спине была запёкшаяся рана. «Кто же тебя так обидел? – жалеючи спрашивала я. Было ясно, что рана получена не в собачьих разборках, а от руки недоброго человека. Закончив сбор ягод, я накормила приبلудную собаку, осторожно срезала верёвку с шеи, обработала рану на спине. Так я познакомилась с Шарой.

Знали бы Вы, как удивителен собачий мир! Именно в те годы я узнала, что собаки самые верные и преданные друзья. Приходилось мне видеть людское предательство и подлость, собаки на это не способны.

Шара просыпалась рано, будила меня, тихонько скуля у изголовья кровати, толкаясь холодным носом в лицо и руки. «Шара, ещё рано, поспим ещё полчаса». Вылезать из постели не хотелось, но ничего не поделаешь, – приходилось вставать и выпускать её из дома. Выбежав во двор, она потягивалась, волной выгибая спину, шумно втягивала носом свежий утренний воздух, проверяла свои владения, а потом подбегала ко мне, и мы вместе шли к колодцу. Вспоминаю с каким упоением Шара лакала холодную колодезную воду прямо из ведра! Деревенских собак хлебом не корми, а дай напиться воды из ведра – чудная прихоть. Начинался новый день со своими заботами и хлопотами. Я растапливала печь, готовила долгожданный завтрак. Шара в момент съедала свою порцию. «Не торопись, жуй хорошенько». Но её миска была уже пуста, и, не давая мне закончить завтрак, она начинала кланчить добавку. Она сидела около стола, не сводила с меня глаз, ноздри ходуном ходили. Ей бы полагалась хорошая миска супа с мясными потрошками, а что я могла ей предложить? – макароны, залитые молоком, да и какое это молоко, сухая смесь из «гуманитарной помощи». Вот тем и кормились мы с Шарой.

Хочу сказать, что у Шары был поистине «дамский» вкус – она обожала блины. В те годы я часто жарила блины – самая дешёвая еда, но с черничным вареньем, просто объедение. Пока я занималась стряпнёй, Шара не отходила от плиты, внимательно следила за каждым моим движением. Вся блинная некондиция доставалась ей: она ловила блин на лету и, не жуя, проглатывала. «Лужёный желудок!» – сказала бы бабушка. После скромного завтрака, на «загладочку», Шара получала пару кусков хлеба – один она съедала, а второй кусок куда-то уносила, видимо, прятала. Мне было жутко интересно, куда. Я пыталась проследить за ней, но видя слежку, Шара останавливалась, грациозно поворачивала голову в мою сторону, укоризненно смотрела и выжидала, когда я уйду в дом. Дружба дружбой, но свой хлебный тайник она скрывала даже от меня. Через несколько дней мне всё же удалось подсмотреть за ней – она зарывала кусок хлеба «на чёрный день» под кустом крыжовника.

Мне было стыдно, что я не могла прилично накормить свою собаку, а ведь она заслуживала хорошего куска колбасы хотя бы раз в день. Как-то я купила ей две сардельки, развернула перед ней свёрток, и эти розовые, толстые сардельки так вкусно пахли мясом, что слюнки потекли даже у меня. «Шарушка, кушай!» Она вопросительно посмотрела на меня: «Разбогатела что ли, с чего такая щедрость?» – «Ешь, и ни о чём не спрашивай». Эти сардельки ей на один зубок, она быстро с ними расправилась. Наверное, вы спросите: «О каких сардельках идёт речь?» – Конечно же не о тех, что лежат на прилавках нынешних магазинов, я вспоминаю те вкуснейшие сардельки, сделанные из настоящего мяса, в натуральной оболочке, которую при случае можно было тоже съесть. Шара и сама умела найти себе пропитание, она своим чутким носом за версту чужала где резали поросёнка, гуся или курицу. Сердобольные путиловцы угощали её мясными потрошками. Довольная своей добычей, Шара прибегала ко мне похвастаться – в зубах зажат ворох потрохов, глаза светятся от удовольствия. Молодец Шара!

Июль и август – макушка лета, когда манит к себе лес ягодами и грибами. «Шара, в лес пойдём?» – спрашивала я свою красавицу. Глаза её загорались восторгом, она прыгала, суежилась возле меня, выбегала за калитку, поторапливала: «Ну где же ты, иди скорей». Шара любила лес так же, как и я. В лесу для неё раздолье, убегала далеко, но всё же держала меня в поле зрения. Я собирала ягоды, если попадались, и грибы, но стоило мне негромко позвать её: «Шарушка, ты где?» Она опрометью неслась ко мне напролом через кусты. Если какой-нибудь грибник приближался ко мне

ближе, чем на 100 метров, она самоотверженно меня защищала, громко лаяла, скаля зубы. «Шара, угомонись, это свои».

Шаре доставляло удовольствие проверять лесные норы под корнями старых деревьев. Она засовывала туда свою морду, задними лапами ворохом поднимала прелую листву, размахивала хвостом в разные стороны. Вся её морда была в рыхлой, коричневой земле. Вволю наигравшись, с высунутым языком, она садилась на задние лапы, крутила косматой головой, стряхивая землю, и шумно фыркала носом. Шара была готова к возвращению домой, а мне не хватило времени набрать в бидон ягод хотя бы «по плечики», да и грибы манили с разных сторон. Шара с грустью смотрела на меня: «Скорей бы домой!» Бедняжка, можно себе представить, как ей было жарко летом в своей шкуре. Потому обратным путем мы возвращались через шумливую речушку, воды в ней по колено, а бродом переходили по камешкам, не замочив обуви. Вот здесь бы нужна была кинокамера: чего только не выделявала Шара, брызги веером разлетались в разные стороны. Домой прибегала первая и встречала меня у калитки как хозяйка.

Шара блаженствовала, когда я, сидя на крылечке, держа в руке щётку, подзывала её: «Иди-ка сюда, голубушка, почистим твою шубейку». Она любила эту процедуру – стояла смирёхонько, не сводила с меня довольных глаз, нежно, как бы невзначай, толкалась мне в плечо своим влажным кожаным носом. Когда дело доходило до её задней части, то Шара с невероятной грацией поворачивала голову и следила, чтобы и та часть её туловища вместе с хвостом, облепленным репьями, не осталась невычищенной.

Шара хоть и относилась к женскому роду, но была не из робкого десятка – бегала по деревне, задрав хвост, никого и ничего не боялась. Ладила она со всеми деревенскими собаками, даже с теми, озлобленными и мстительными, прикованными к цепи у хозяйского дома, лишёнными упоительной свободы. В те годы Шара стала моим верным охранником. С ней было не страшно оставаться одной в доме. Шара всегда держала «ушки на макушке», при малейших незнакомых звуках вставала в стойку, а когда подвыпившая молодёжь проходила мимо дома, она негромко предупреждающе лаяла. Кто бы сунулся? Я чувствовала себя в полной безопасности.

Жизнь, наконец-то, вернулась в нормальное русло, стали забываться трудные годы. Но теперь мы реже бывали на даче, затянули нас городские будни. «Как там поживает моя подруженька?» – я ведь тоже скучала по Шаре. Но следующей весной меня никто не встретил у калитки. «Где же

Шара?» – «Нет больше нашей Шары! Теперь остаётся только вспоминать нашу любимицу» – с грустью ответила бабушка Катя.

После гибели Шары навещали меня и другие деревенские собаки. Почти каждую неделю приходил небольшой соседский пёс Франтик, чёрный, как смоль, с редкими белыми пятнами. Такой учтивый «парень», но ласкового взгляда от него не дождёшься, мужичок – два уха. Подойдёт к крыльцу, одну лапу поставит на первую ступеньку, будто спрашивает: «Можно войти?» – «Франтик, дружочек, заходи». Пройдя через веранду, он останавливался перед дверью в дом и опять вопросительно смотрел на меня. – «Сделай милость, голубчик, погостуй немного». Этот пёс покорял меня своей вежливостью. Заканчивался визит скромным ланчем – миской молока с сушками. Похрумкает ещё не размокшими сушками, вылебаёт молоко, и – восвояси, но обязательно дождётся моих слов: «Франтик, приходи ещё в гости». Разве ему нужны были мои слова, он и так понимал, что я всегда буду рада его визитам.

Хорошо помню и смешную рыженькую болонку Чапу с большущими тёмными глазами, прикрытыми рыжими прядями. Маленькая, но такая бесстрашная собачонка! Не влюбились ей велосипедисты и подвыпившие мужики, вот и хватала шатающихся мужичков за штанины, облаивала их до хрипоты. А вот привычка бросаться под колёса, чуть было не лишила её жизни. Возвращаюсь как-то из леса, а она лежит у обочины, жалобно скулит – одна лапа с содранной до кости кожей. Приковыляла на трёх лапах во двор и показывает мне свою рану. От боли у неё из глаз текли слёзы. Бедная Чапулька! Как смогла, я обработала рану и перевязала лапку. Совсем скоро она бегала на четырёх лапах, но к велосипедистам не приближалась.

Чапа всегда провожала меня до станции, а это шесть километров, да ещё и обратный путь. «Чапа, не ходи со мной, ведь далеко». Но никто не мог её удержать. Мне надо было пото-рапливаться, а она с высунутым языком семенила за мной на коротких лапах. Электричка с шумом подходила к полустанку, я боялась, чтобы Чапа не попала под колёса или не вбежала в вагон. Из окна отъезжающей электрички я провожала её взглядом и думала о неиссякаемой преданности этого маленького рыжего существа.

Изредка прибегала ко мне крошечная собачонка Белка, размером чуть-чуть побольше кошки с абсолютно белой шерстью. Эта собака была трусихой; даже рядом со мной она бежала с поджатым хвостом, шарахалась в страхе даже от кошек. Но однажды Белка защитила меня от громадного быка. Не знаю откуда он появился на дороге, но, увидев «этакий танк» с грозно насупленными бровями, с огромным металлическим кольцом в носу, я не на шутку испугалась и продолжить свой путь не отважилась. Белка поняла, что

кроме неё защитить меня некому, и, позабыв о своей трусливой натуре, с лаем бросилась на быка. Невероятно, но бык спасовал перед таявканьем маленькой собачонки и уступил нам дорогу. Только свернув за поворот, мы оглянулись – бык смотрел на нас, но теперь не грозно, а с недоумением, что какие-то две «козявки» проскочили мимо него. До самого вечера нас трясло от случившегося. Чем я могла отблагодарить свою спасительницу? Кусок колбасы стал для неё хорошей наградой. Истинная дружба творит чудеса! Пожалуй, Вы и сами это знаете.

Эти добрые «подружки» до сих пор живут в моей памяти. А Шара? – Она оставила по себе самые добрые воспоминания.

**Санкт-Петербург, 2014 год, ноябрь**  
**Лариса Дмитриева**